

УДК 14: (00+62)

DOI: 10.17223/2312461X/21/2

ТЕЛО И ИНТЕРНЕТ: АНТРОПОЛОГИЯ ЛАБОРАТОРИИ

Елена Константиновна Соколова,
Сергей Юрьевич Шевченко,
Александр Александрович Широков

Аннотация. В статье рассматривается опыт проведения междисциплинарной лаборатории, изучающей проблематику тела и телесной репрезентации в контексте интернета. В результате лаборатории было реализовано восемь индивидуальных проектов исследований тела в интернете, а также проведена коллективная рефлексия опыта работы дистанционной команды. В качестве основного фокуса внимания выбраны форма и методы коллективного исследовательского проекта, изучающего тело в интернете посредством самого интернета: исследующего тела *других*, но также рефлексизирующего собственный опыт. Вслед за работой о жизни научной лаборатории Латура авторы статьи ставят задачу рассмотреть на эмпирическом материале возникающую новую форму: распределенные междисциплинарные исследовательские проекты, претендующие на статус альтернативных лабораторий XXI в. Использование предметного поля, связанного с телом, а также технологиями опосредования телесной репрезентации и телесно-сенсорного опыта, с одной стороны, преследует цель объединения оф- и онлайн-опыта в единое целое, а с другой – предоставляет возможность увидеть возникающую в онлайн-практиках дистанцию. Тело предстает не только как опыт, *here body*, но как форма – индивидуальная, коллективная, множественная, распределенная, динамическая, тогда как необходимость технологического опосредования становится вызовом для вовлеченности в совместную работу, кооперации и, в широком смысле, интеграции. Новая, «подключенная» к интернету реальность распределенных исследовательских проектов требует от участников особых навыков и мотивации, без которых междисциплинарность на практике становится неосуществимой. Повышение сложности системы и доступности для участников, кажущейся близости, наблюдается одновременно с процессами атомизации – онтологической, социальной, а также физической, ощущаемой на уровне телесно-сенсорного опыта, которую возможно преодолеть.

Ключевые слова: тело, технологии, интернет, лаборатория, антропология

Предшественником лаборатории, посвященной телу в контексте интернета, была идея провести коллективное исследование привязанностей к цифровым практикам, так называемым *цифровым зависимостям*, прежде всего играм, в рамках направления медицинской антропологии. Реализовать проект, получивший предварительное название *addiction lab*, не удалось, но вместо этого в 2018 г. в рамках Онлайн-школы Клуба любителей интернета и общества, независимого научного сетевого сообщества социальных исследователей технологий, был за-

пущен вариант с более широкой тематикой: междисциплинарный дистанционный курс «Тело и интернет», совмещающий теоретическую программу и возможности для исследования. Проект курса, *body tech*, как его маркировали в цифровых каналах, ставил целью собрать на одной платформе теории, методы и практики, включая в поле интересов как различные формы воплощения человека в виртуальном пространстве, составляющие традиционный предмет цифровой этнографии, так и непосредственный телесно-сенсорный опыт, связанный с использованием интернета: что делает тело, пока человек находится в интернете, как онлайн-опыт влияет на офлайн и наоборот, может ли тело быть интерфейсом сборки реальностей?

Курс состоялся в марте-июне 2018 г. коллективными усилиями 3 тьюторов, 5 лекторов и 12 участников, среди которых были антропологи, социологи, психологи, философы, культурологи, художники. В результате участниками курса было проведено восемь индивидуальных мини-проектов, но не менее значимым результатом стал опыт подготовки и совместной реализации исследовательской лаборатории. Несмотря на общее название «школы», курс изначально задумывался как *лаборатория*, группа, где каждый участник-исследователь имеет конкретный опыт в своем предметном поле и готов вносить его в коллективную работу, которая позволила бы расширить теоретические подходы к изучению опыта тела и технологий, а также исследованию феномена цифровой технологической медиации телесного опыта.

Такое понимание лаборатории отличается от общепринятого, используемого в STS на протяжении многих лет, где под лабораторией подразумевается исследовательская организация, где есть общая задача, формальные обязанности участников и неформальная культура взаимодействия, определенная иерархия, ограничения в пространстве и времени работы: как правило, лаборатория это физическое помещение, где работают по определенному графику. В случае нашего курса большинство из этих правил было исключено еще на этапе проектирования, а те, которые остались, работали иначе. Задачей было организовать пространство сетевого исследовательского взаимодействия, которое соответствовало бы тенденциям настоящего времени, когда проектные команды, в том числе в социальных науках, по тем или иным причинам работают дистанционно. Речь по-прежнему идет о совместном производстве знания, но взаимодействие в лаборатории такого типа выглядит и воспринимается участниками иначе. Работа практически в любой лаборатории заключается в проведении экспериментов, но в данном случае, мы проводили эксперимент над самой формой такого производства, выбрав при этом не самый типичный предмет исследования: тело.

По сути, курс представляет собой *эксперимент*, расширяющий методологические возможности исследования тела и технологий, в част-

ности тела в интернете. При проектировании методологическими приоритетами были междисциплинарность, коллективность, а также технологическая опосредованность: дистанционность, распределенность во времени и в пространстве, то есть асинхронность и виртуальность контакта для большинства участников, не знакомых друг с другом до начала проекта. Несмотря на то, что курс был русскоязычным, возможность работать онлайн позволила пригласить исследователей из разных городов и стран и за счет этого собрать участников с дополняющими компетенциями.

Результатами лаборатории являются не только исследовательские проекты участников, но также рефлексия коллективного опыта: какое знание мы получили о телах и о технологиях, а также о «племени» нас самих, социальных исследователей. Таким образом, в фокусе нашего исследования находится процесс проведения лаборатории, нежели результаты конкретных проектов. Настоящая статья ставит задачей не только описать этот эксперимент, то также исследовать лабораторию как форму. В качестве теоретической рамки используются ставшие классическими работы в области *социальных исследований технологий* (*science and technology studies* или STS) Б. Латура, С. Вулгара и других, посвященные лаборатории как процессу производства знания, концепция «зон обмена» П. Галисона и его последователей, а также современные теории и практики *коллективного взаимодействия* – *координации, кооперации, коллаборации*, использующиеся для дистанционных команд и онлайн-среды, включая работы Х. Рейнгольда, А. Пентлэнда, и др.

Интерес к лабораториям как к исследовательскому полю

Поскольку мы говорим о новых форматах, нам видится важным рассмотрение эволюции исследований лабораторий, а также того, что понимается под лабораториями в STS. Поэтому прежде, чем переходить к результатам курса, обратимся к истории исследований лабораторий, ставших некоторой точкой опоры (Latour 1983). Эти исследования начинаются в конце 1970-х гг. (Lynch 1985; Knorr-Cetina 1981; Latour, Woolgar 1986), далее, уже во второй половине 1980-х гг. в STS произошел поворот к теме технологий (Woolgar 1991) и исследованиям науки вне лабораторий. Однако исследования лабораторий сделали ряд эмпирических открытий, которые принципиальным образом повлияли на развитие дисциплины. Предметом анализа исследователей стало содержание научного знания, что не было характерно для направлений, составляющих фон, на котором эти исследования возникли и с которыми они, соответственно, спорили. Рационалистическая философия науки (Поппер и Лакатос) всячески избегает содержания научного знания. Можно выделить две важные черты рациональной философии

науки. Во-первых, для этой перспективы характерен демаркационизм – предположение четкой границы между научным знанием и ненаучным. Во-вторых, научное знание предполагается как нечто принципиально отличное от других типов знаний (Поппер 2000).

Другое значимое направление, составляющее полемический контекст для исследований лабораторий, – социология знания Мангейма. Согласно ему все знание должно объясняться социально, исключение составляет научное знание. Социология может объяснить лишь иррациональные формы знания, но там, где действуют рациональные законы, – социологическое объяснение не нужно. Наконец, третье направление – институциональная социология науки Мертон (Мертон 2006), которая состоит в исследовании не содержания знания, а того, что находится вокруг него. Это исследования институциональной структуры науки, норм, которыми руководствуются ученые, системы поощрений и наград и т.п.

Против этих трех программ формируется другая позиция – сильная программа в социологии научного знания Блур. Эта программа формулируется во второй половине 1970-х гг., она предполагает, что научное знание – это специфическая форма культуры, которую можно изучать эмпирически и объяснять так же, как объясняют природное явление (Bloor 1976). Если с тремя предыдущими подходами исследователи лабораторий полемизируют, то программа Блур оказывается некоторым ориентиром. Эта программа утверждает, что возможно социологическое исследование содержания не как научного знания, а просто контекста, и, таким образом, открывает дорогу к лабораторным исследованиям. Однако, у подхода Блур есть ограничение, он предполагает исторические реконструкции. Соответственно, прорыв, совершенный исследователями лабораторий, был сделан отчасти благодаря этнографическому методу, который позволил провести исследование актуальных процессов функционирования науки.

Посыл исследователей лабораторий состоял в следующем: «мы пойдем туда, где еще не ступала нога антрополога, и исследуем такое современное племя, как ученые» (Latour, Woolgar 1986: 17). Авторы указывали, что, несмотря на существующее внимание к теме науки, наука не стала менее экзотичной и более понятной. Соответственно, целью исследователей лабораторий было лишить науку экзотичности и дать реалистичное описание того, как работают ученые с помощью этнографического метода. Опора не только на интервью и исторические сведения, а на данные, полученные в ходе непосредственного наблюдения, стала одним из преимуществ такого подхода, поскольку некоторые вещи не артикулируются в статьях или документах, а остаются на «кухне исследования».

Поскольку в исследованиях лабораторий в целом отсутствовала постановка какой-либо конкретной проблемы, результаты этих исследо-

ваний оказались зависимыми от того, что до этого говорили философы и социологи науки. То есть исследователи лабораторий преимущественно спорили с другими авторами, основываясь на этнографических данных. Значительная часть усилий ушла на то, чтобы показать, что данные, которые они собрали, опровергают традиционные представления о науке. В позитивном ключе исследования лабораторий дали идею о конструировании или производстве научного знания. Эта идея строится на тезисе о взаимопроникновении объекта и субъекта познания.

В лаборатории обнаруживаются ситуации, когда перед учеными стоит проблема неопределенности, когда нельзя точно установить, является ли результат эксперимента артефактом человеческой деятельности (шумом оборудования, домыслами) или в действительности имеет место некоторый сигнал со стороны реальности. В ходе научного процесса ученые стремятся преодолеть эту неразличимость объекта и субъекта и прийти к ситуации, когда субъективные допущения существуют отдельно от объективных фактов. Ввиду этого взаимопроникновения и смешения двух эпистемологических категорий, субъекта и объекта, лаборатория оказывается своего рода плавильным котлом, магмой, в которой привычные для нас в повседневности категории перемешиваются, сплавляются. Субъект-объектная схема успешно работает в отношении повседневности, когда мы понимаем, что является нашим субъективным предположением, а что является объективным свойством, например, стола. Для мира лаборатории, в котором возникают ситуации, когда нельзя различить результат деятельности ученого и ответный сигнал природы, эта схема не работает. Получается, что лаборатория это магма, где все перемешивается – природа, культура, субъект, объект, и все это из лаборатории извергается и застывает в других областях, за пределами лаборатории, где объективные факты и субъективные артефакты существуют раздельно (Venturini 2010). Это состояние магмы, когда все перемешано и исход дела (научного открытия) неизвестен, стало привилегированной точкой исследований в STS.

В дальнейшем лаборатория из объекта превращается в концепт, отдельные ситуации или части общества начинают пониматься как лаборатории и исследоваться как лаборатории. Это может быть музей или город (Giegyn 2006). В данном случае лаборатория становится своего рода ресурсом, при помощи которого исследуются ситуации и части общества, которые совершенно не похожи на лаборатории. Лаборатория – это некоторая точка, в которой создается искусственное образование с очищенными субстанциями, чтобы установить между ними связи.

В русскоязычной литературе тема антропологии научных лабораторий нашла отражение в ряде работ: в исследовании молекулярно-биологических лабораторий и экономической составляющей их деятельности (Артюшина 2014); анализе коммуникативных процессов

внутри биологических лабораторий (Контарева 2015): этнографии полевой работы представителей *environmental studies* (Поправко, Чалаков 2017; Макиенко 2017, и др.). Настоящая статья продолжает направление антропологии науки, связанное с исследованиями лабораторий. Отличие нашей работы состоит в том, что мы исследуем, во-первых, новую форму лаборатории – сетевую, во-вторых, иной тип создаваемого знания. Его специфика заключается, в гораздо большей степени, в коллективном производстве индивидуальных результатов, чем создании единого для всех результата. Речь идет о лаборатории как о зоне обмена, соединяющей представителей различных парадигм, это работа на границах онтологий.

Лаборатория как зона обмена

Одной из перспективных теоретических моделей описания деятельности лаборатории может стать концепция *зон обмена*. Предложенная историком науки Питером Галисоном метафора *зон обмена* получила широкое распространение при описании процессов взаимодействия между различными сферами знания (Collins, Evans, Gorman 2007). Применяемая для рассмотрения проблем междисциплинарности в науке, эта метафора постепенно отдаляется от своих антропологических истоков. Сегодня *зонами обмена* часто называются сознательно выстроенные в рамках социального инжиниринга каналы коммуникации между научными институтами. Также под *зоной обмена* может пониматься и «классическая» лаборатория, имеющая постоянную локализацию, состав и руководство. В такую лабораторию могут быть включены исследователи и представители индустрии, что облегчает процесс трансляции результатов научно-технических разработок в практики их массового производства и рутинного использования (Thagard 2005; Дорожкин 2017). В обоих случаях взаимодействие между исследователями, работающими с разными онтологиями (полями объектов), представляет собой либо цель некоторой практической деятельности, либо необходимый аспект достижения цели.

Однако возможен иной вариант понимания термина, более полно отражающий экономический смысл формирования зон обмена – в их прямом «рыночном» смысле. Каналы коммуникации в таком случае формируются сами – исходя из частоты контактов и оценок их эффективности конкретными агентами. Агенты коммуникации в рамках такой зоны обмена не формируют классически понимаемую лабораторию, не формируют они и аналог лабораторной сети, предназначенной для делегирования исследовательских задач в рамках одного проекта. Цели агентов различны, результаты обмена оцениваются исходя из представлений об их роли в достижении этих целей. Такая модель, ди-

станцирующая от «*формирования коллективной интенциональности*» (социальная онтология Сёрла) или от «*перевода интересов*» (акторно-сетевая теория), выглядит более адекватной историческому и экономическому смыслам понятия *зон обмена*. Собственно, социальные феномены, которым может быть приписано единое целеполагание, и не должны называться *зонами*, поскольку они выступают как социальные агенты, а не как пространства проявления такой агентности.

Такое понимание *зоны обмена* и будет использовано в дальнейшем для рассмотрения некоторых аспектов работы курса. Собственно, эта зона обмена вполне легитимно может быть названа лабораторией нового типа. В ней распределение исследовательских задач происходит само собой, без строгой их унификации, исходящей из единого центра – коммуникативные потоки и направленные на выполнение одного проекта альянсы очень подвижны. Объединяющим началом такой лаборатории может выступать понимание того, что всё разнообразие исследовательских онтологий имеет отношение к одной реальной сущности. При этом осознание разнообразия онтологий – также важное условие функционирования лаборатории нового типа. Благодаря осознанию различий, взаимодействие между исследователями не направлено на оценку истинности выводов, полученных в другой онтологии, но ориентировано на поиск форм координации, или стратегии обмена между членами лаборатории, работающими с разными полями объектов. В следующем разделе будут рассмотрены некоторые современные модели взаимодействия, работающие в онлайн-среде.

Лаборатория онлайн

Те, кто имеет опыт профессиональной деятельности онлайн, как правило, интуитивно замечают отличия такой формы от привычного большинству очного взаимодействия, но массовое осознание и принятие необходимости особенных навыков сетевой работы распространяется намного медленнее, чем происходит фактическое погружение в цифровую среду. В этой связи интерес представляют работы Х. Рейнгольда, исторической фигуры в американской цифровой культуре, лектора Стэнфорда, автора многочисленных книг (например, Rheingold 1985, 1992, 1993, 2002, 2014 и др.), которому приписывают авторство термина «*виртуальные сообщества*». Рейнгольд является специалистом в области современных медиа, *технологий кооперации* (*technologies of cooperation*) и *коллективного интеллекта* (*collective intelligence*). Его курс, посвящённый *грамотности кооперации* (*literacy of cooperation*), сетевому взаимодействию и технологиям кооперации, прошел один из авторов настоящей статьи в 2014 году.

Как вы занимаетесь бизнесом с прозрачной *сетью*, которая никому не принадлежит? Как вы работаете с талантливыми людьми, с которыми вы, вероятно, никогда не встретитесь и которые не мотивированы деньгами? Как компании могут научиться «использовать преимущества» инновации, когда она приходит из мира открытых *платформ*? И на другом уровне, не видим ли мы начало конца существующих бизнес-моделей, основанных на иерархии, планировании и управлении, и чистой конкуренции? Фактически мы наблюдаем новый уровень изменений. Каковы [его] индикаторы? Рост сообществ разработчиков с открытым исходным кодом. Рост открытых онлайн-знаний. Переход власти к социально и технологически связанным «умным толпам» (*smart mobs*). И многое другое (Rheingold n.d.).

В приведенной выше цитате Рейнгольд говорит о бизнесе как о направлении деятельности, которое одним из первых столкнулось с сетевой культурой и ее последствиями. В настоящее время сказанное начинает все в большей степени относиться также и к организации производства знания, где традиционные формальные структуры вынуждены меняться под напором ситуации, а конкуренцию им составляют онлайн-форматы разной степени децентрализации. В рамках своего курса Рейнгольд исследует процессы взаимодействия в биологии и социуме, эволюцию кооперации, социальные дилеммы, общественные основания и институты для коллективных действий, технологии и навыки кооперации. Помимо знакомства с теоретическими материалами участникам курса предлагается «интенсивный эксперимент в формировании *обучающегося сообщества* (Learning objectives n.d.), таким образом, речь идет о непосредственном опыте и формирующихся в его процессе *компетенциях* участников, как о важном методологическом приеме. Радикальным приемом, непривычным для многих учащихся, является последняя неделя курса, когда перед сообществом ставится задача самоорганизации и составления общей картины (*big picture*) курса, когда «*со-учащиеся* самостоятельно организуют живые онлайн-сессии, используют форумы, блоги, диаграммы связей (*mindmaps*), чтобы отразить весь курс», и это становится еще одним, коллективным результатом совместной длительности (About this course n.d.).

Опыт проведения курса соответствует наблюдениям Рейнгольда и наглядно демонстрирует необходимость развития практических навыков кооперации для дистанционных исследовательских проектов. По аналогии с программами Рейнгольда, участники курса оказались в ситуации, когда должны были, во-первых, самостоятельно планировать свою работу, особенно за пределами теоретической части – например, по индивидуальным проектам, а во вторых, проявлять инициативу во взаимодействии с другими участниками, делиться информацией и получать ее от других. Несмотря на то, что в конкретном случае все

участники обладали существенным опытом исследовательской работы в своем предметном поле, многие оказались не готовы к такому слишком свободному, лишенному рамок и направлений формату работы. Непривычную ситуацию также усугубляла онлайн-составляющая, а именно дистанционность и асинхронность процессов: те вопросы, которые можно было решить в непосредственном контакте, могли в данном случае не решаться, а игнорироваться. В некоторых случаях это могло приводить к разрыву, когда участник не находил себе места в рамках курса и покидал его. В результате можно было отметить фрустрацию со стороны части участников, особенно в начале курса. В отсутствие формальных обязательств перед организаторами и личных неформальных обязательств перед другими незнакомыми участниками, выход представляется достаточно простой альтернативой. Такой сценарий хорошо известен тем, кто занимается дистанционным обучением, от глобальной Coursera до отечественной Нетологии. Проекту помог строгий отбор участников на основании их интереса к теме курса, а также существенного опыта в своем предметном поле. Еще одним положительным фактором стало наличие персонального контакта между тьюторами и участниками. Но на практике коллективным процессам взаимодействия в рамках курса все равно требовалась внешняя фасилитация, а степень вовлеченности сильно варьировалась в зависимости от конкретного участника. Можно сделать вывод, что даже если сеть представляет площадку и прочие условия для обмена в том или ином предметном поле, эффективность такого обмена зависит также от персональных навыков: решающее значение имеет то, насколько участники сами готовы создавать собственную исследовательскую повестку, а также взаимодействовать по ее поводу с другими.

Еще один, альтернативный подход к исследованию коллективного взаимодействия предлагает А. Пентлэнд, работающий с *большими данными* в MIT Media Lab. Так же как и Рейнгольд, он интересуется особенностями работы современных команд (Pentland 2012), но исходит из иных принципов. Основываясь на внешних автоматизированных количественных моделях социальной координации в гораздо большей степени, чем на личных компетенциях, он ориентируется на подкрепленную данными результативность коллективных действий. Так, одна из его последних работ посвящена *социальной физике*:

Социальная физика – это количественная социальная наука, которая описывает надежные математические связи между информацией и потоком идей, с одной стороны, и поведением людей, с другой. *Социальная физика* помогает нам понять, как идеи движутся от человека к человеку через механизм социального обучения, и как этот поток идей, в конечном итоге, формирует нормы, производительность и творческий результат <...>. Это позволяет нам прогнозировать производительность

небольших групп, отделов внутри компаний и даже целых городов. Это также помогает нам настраивать сетевые связи, чтобы мы могли надежно принимать более эффективные решения и становиться более продуктивными (Pentland 2014).

Пентлэнд выделил так называемые *сети исследования* (*exploration*), когда члены команды взаимодействуют с другими командами, а также *сети вовлечения* (*engagement*), когда взаимодействие происходит внутри закрытой системы или привычной рутины, и пришел к выводу, что творческий результат «критически зависит» от практики *сетевого исследования*, то есть коллективной работы на границах отделов, дисциплин и компетенций (Ibid.). Возникает количественное обоснование возможной пользы от применения междисциплинарного подхода. Таким образом, благодаря работе Пентлэнда в качестве одной из фундаментальных идей, заложенных в основу курса, стало желание протестировать потенциальные возможности исследования на границах разных онтологий.

В рамках конкретных проектов Пентлэнд предлагает разными способами измерять как исследовательские сети, так и вовлеченность, но доступные для этого программные средства, как правило, пока недостаточно эффективны для тонкой настройки творческих команд. На опыте одного из авторов статьи, прошедшего курс Пентлэнда, посвященной *коллаборации в дистанционных интеллектуальных командах* в рамках MIT Sloan Executive Education, такие программные средства могут измерять количественные характеристики коммуникации, но не способны учесть специфики культурных и эмоциональных параметров, а также оценить качественные результаты такой работы.

В ходе курса мы не использовали специальные средства для количественной оценки коллективной работы команды, при этом оценить *сети исследования* и *вовлеченности* оказалось полезным. Такая теоретическая рамка позволила обнаружить, что несмотря на заявленную междисциплинарность программы и дополнительную фасилитацию со стороны тьюторов, общение между участниками часто происходило на основании дисциплинарной близости. Например, согласно рефлексии, проведенной после окончания курса, социальным исследователям было проще и интереснее работать друг с другом, а исследователям и художникам было трудно найти точки соприкосновения, особенно в начале курса. Такое взаимодействие в большей степени соответствует модели сетей вовлеченности, а высокая степень участия в сетях исследования была скорее исключением и значительно варьировалась в зависимости от персональных навыков и интересов. Было бы некорректно с нашей стороны брать на себя ответственность и оценивать, какой паттерн эффективнее, как это делает Пентлэнд на статистических данных. При

этом очевидно, что в реальности взаимодействия в рамках курса оказались более консервативными, чем представлялось организаторам на этапе проектирования.

Если сетевые модели Пентлэнда в определенной степени были полезны для пост-анализа, то для повседневного взаимодействия тьюторам понадобились в большей степени наработки программ Рейнгольда. В настоящее время можно говорить о том, что на основе больших данных можно прийти к ресурсным теоретическим моделям, но сами по себе технические средства коллективного взаимодействия, ставящие целью повышение его эффективности, находятся только в начале пути. Социальные технологии такого взаимодействия, так называемые *soft skills*, могут пригодиться уже сейчас – мы это можем обнаружить на материале курса, что еще раз подтверждает популярное положение в среде тех, кто занимается образовательными технологиями.

Курс, а также Онлайн-школа интернет-исследований в целом не являются единственным примером дистанционных проектов. Работа ученых в области социальных наук все больше строится на принципах сетевого взаимодействия. Одним из наиболее ярких и успешных примеров руководства распределенным коллективом в антропологических исследованиях можно назвать проекты Д. Миллера, в которых принимают участие одновременно несколько антропологов, работающих в разных географических локациях. Практически все время реализации многолетних проектов их координация проходит дистанционно, что позволяет распределенной команде делать масштабные (до 12 полей) синхронные лонгитюдные исследования в области сравнительной антропологии технологий. Можно особо отметить такие проекты Миллера и его международной команды, как исследование социальных сетей *Why We Post*, «Зачем мы *постим* [размещаем информацию в социальных сетях]» (*Why We Post* n.d.), а также *Anthropology of Smartphones and Smart Aging*, «Антропология смартфонов и “умного” старения» (*ASSA* n.d). Еще одним, имеющим большое значение сетевым принципом, который использует Миллер, является бесплатное сетевое распространение научной литературы: по его мнению, *открытый доступ* не менее важен для монографий, чем для научных журналов. Только книги из серии *Why We Post* были скачаны более полумиллиона раз (информация из рассылки Ассоциации интернет-исследователей, *Association of Internet Researchers*, <http://aoir.org>).

Повседневная работа исследователей также не исключает дистанционной работы. Например, один из авторов статьи со-организовывал в онлайн-режиме панель для одной из крупнейших международных офлайн-конференций с коллегами из Нью-Йорка и Амстердама, в работе которой участвовали ученые, представляющие поля из пяти разных стран. Еще одним примером может стать написание настоящей статьи,

обсуждение которой происходит по большей части в чате мессенджера Telegram, а также в видео-чате Zoom – при том, что все три автора находятся в Москве и, теоретически, могли бы встретиться лично. Из сказанного выше можно сделать вывод, что мы уже работаем онлайн в распределенных и дистанционных командах не только в экспериментальных проектах, но также в решении рутинных профессиональных вопросов. Похоже, что с разной степенью осознания этого факта «научное племя» начинает осваиваться на новых территориях онлайн.

Исследование тела в интернете

Далее от обсуждения формата мы переходим к содержанию лаборатории. Перед запуском курса тьюторами была подготовлена большая часть теоретических материалов. В течение первых недель курса участникам были представлены обзоры по более широким темам тела и технологий, прежде всего, феноменологии и постфеноменологии, аналитической философии, подготовленные тьюторами курса С. Шевченко и Е. Соколовой. В рамках лекционной части были записаны видео «Три тела» и «Тела и среды» С.В. Соколовского, где он описал три тела: 1) *тело физическое*, которое «лучше всего вписано в картезианское наследие модерна и наш здравый смысл» и, таким образом, наиболее часто присутствует в научных дискурсах, 2) *тело социальное*, как «демонстрируемое», «тело для других», и здесь идет речь в определенной степени о *репрезентации* телесности и 3) известное из феноменологии и данное каждому субъективно *проживаемое тело* (Соколовский 2018). Еще одним базовым материалом курса стала лекция «Тело до и после цифры» И.В. Сироткиной, показавшей, что к исследованию тела и телесности можно подходить с позиций философии, истории, политики, или нормы (Сироткина 2018).

В методологической части курса был предложен тьюториал по цифровой этнографии, а также лекция «Технологический мониторинг и обратная связь» Т. Щукина. Материалы, посвященные искусству, составили отдельное направление, включающее лекции культурологов: «Тело и технологии: искусство» О. Ремневой и «Тишина в цифровую эпоху» Ю. Стракович, арт-проект медиа-художника Helena Nikonole, а также большой перечень мультимедийных проектов в области тела и технологий. В качестве материала для онлайн-ридинга междисциплинарным коллективным курсом был выбран текст Д. Харауэй о киборгах (Haraway 1985), а также приведен общий список библиографии для самостоятельного изучения, который пополнялся в течение всего срока проведения курса усилиями как тьюторов, так и участников: например, в библиотеку были добавлены материалы в области STS и этнометодологии, а А. Широков записал лекцию про контроверзы для прикладного

блока исследований в социальных сетях. Практически все участники отметились в модулируемом, а затем уже спонтанном составлении общей библиографии курса, посвященной пересечению областей междисциплинарных исследований тела, технологий и интернета, предлагая группе как научную литературу, так и проекты в прикладных областях. Таким образом, составление теоретического фундамента курса, начатого тьюторами с вводных обзоров и записи лекционных материалов, достаточно быстро перешло в стадию коллективной работы, результатами которой планируется поделиться в открытом доступе.

В ходе реализации курса онтологическая относительность тела также проявилась на практике. Отчасти это вызвано тем, что каждый из участников на последних неделях курса готовил свой собственный проект исследования, и в результате получилось несколько совершенно разных проектов. Три исследования имеют отношение к практикам в социальной сети Instagram: среди них изучение телесной саморепрезентации ролевиков и самопрезентации в сетевом пространстве посредством фото со знаменитостями, а также исследование образа идеально-го тела у девушек-подростков. Еще одно исследование относится к теме мобильных приложений: это эксперимент с «переменной пола» в приложении Tinder. Проект в области техно-арта посвящен эксперименту в области модификации тела в сети, медийному телу. Исследования видеоигр выполнено как этнометодологический анализ взаимодействия игрока с искусственным интеллектом. Есть также проект, исследующий опыт использования гаджетов: «слепсунг» для слабовидящих. Еще в большей степени затронуло сферу телесно-сенсорного опыта исследование кинестетической эмпатии в онлайн-терапии. Необходимо отметить, что участники представляли различные дисциплины, как научные, так и прикладные, обладающие своим теоретическим и методологическим аппаратом, а также языком, что создавало определённые трудности в обмене информацией и результатами.

При рассмотрении опыта курса можно отметить, что первичным объектом анализа могут выступать не только сами пути обмена результатами, относящихся к разным полям объектов, но сходства и различия множеств возможных характеристик объектов. Для всех участников именами основных объектов изучения служили *тело*, *технологии* как современные технологии *медиа*ции, *интернет* как пространство, в котором существуют и преобразовываются цифровые следы тела. Однако каждый участник курса владел собственным множеством исследовательских инструментов, и множества эти были лишь в небольшой степени пересекающимися, несмотря на попытку общего прохождения теоретических материалов в первые недели курса. Соответственно, поля изучаемых объектов, заданные исследовательским инструментарием, были различными: наблюдаемые проявления такого различия отно-

сились и к структурам таких центральных объектов, как *тело* и *технологии*, и к возможным характеристикам, которые могли бы осмысленно применяться к этим объектам в рамках конкретной онтологии.

Структурные различия касались прежде всего объектов, не соотносённых напрямую с наличным биологическим телом, служащим необходимым условием феноменального опыта субъекта. Например, *идеальное тело* и *виртуальное тело* могут быть представлены как связанные с биологическим телом посредством особых феноменальных полей, существующих благодаря воображению или опыту компьютерной игры. При этом был поднят вопрос легитимности существования *идеального тела* как объекта социальных исследований: стремление к идеалу может быть необходимым свойством исследуемых людей в поле социальной психологии, и не быть таковым в поле антропологии или феноменологической философии.

Собственно, сама стабильность отношения к собственному телу не во всех случаях служила условием, конституирующим исследовательскую онтологию. Художник и перформер Мари Сокол провела исследование предпочтений участников «Ночи в музеев» в Московском музее современного искусства: им было предложено сфотографироваться и быть отмеченными в Instagram с картонной фигурой музыканта Дэвида Боуи, с картонной фигурой актрисы Тильды Суинтон в образе Боуи, или с самой Мари в образе Боуи. Можно предположить, что в созданном в этом исследовании поле объектов не существует категоризации людей по отношению к телу или к телу в Instagram: центром этой онтологии выступает созданная экспериментатором ситуация выбора, а исследуемыми объектами служит поведение людей в ситуации игры с образом *другого*, в рамках которого им не приписывается некоторое изначальное отношение к этому выбору. Социальный антрополог О. Воробьева также исследовала саморепрезентацию *других* в Instagram, а именно представителей сообщества ролевики, показав, что сеть в большей степени является пространством для самовыражения, чем для поддержания связей, а ролевики часто представляют себя не только *в образе*. В анализе видеоигры А. Широкова *искусственный другой* (искусственный интеллект, с которым взаимодействует игрок) предстал не как конкретный персонаж игры, но как ситуация взаимодействия во всей её комплексности. Проект медиахудожника А. Леоновой «От Евгеники до ушек зайки» предоставил в результатах курса перспективу от первого лица, являясь исследованием возможности автомодификации, где, помимо факта создания творческого результата, автор обратила внимание на то, насколько глубоко такой опыт может вовлекать.

В некоторых проектах курса тело оказывалось лишь срезом более сложного объекта исследования, например, опыта исследования гендерного поведения в социальных сетях. Проект А. Хазиной предпола-

гал временный обмен аккаунтами в Tinder между тремя молодыми людьми и тремя девушками, находившимися в разных странах. Можно предположить, что тем самым для участников более объёмным представлялся их собственный изначальный опыт поведения в этой социальной сети, а контрастом для него выступал не опыт *другого*, а скорее опыт игры в *другого* как вживания в медийный образ *чужого тела*, а не опыт первичных телесных ощущений. На последний было ориентировано исследование А. Курленковой, посвященное практикам конструктивной доработки массовых моделей мобильных телефонов для нужд слабовидящих и формам взаимодействия с ними. В этом проекте тело фигурирует как объект *подключения* каналов восприятия внешнего мира, при этом значимость каналов задана функциональными возможностями органов чувств: в центре проблематизации находятся формы сенсорного взаимодействия тела с технологическим артефактом и конструирование этого артефакта, предполагающее несколько форм такого взаимодействия.

Еще одним исследованием, направленным на исследование телесно-сенсорного опыта, стала работа Ю. Морозовой, посвященная феномену кинестетической эмпатии в терапии, проводимой онлайн. Будучи ключевой для практики танцевально-двигательной терапии, концепция кинестетической эмпатии означает вовлечение терапевта в интересующий опыт посредством своего тела. Цель исследования состояла в том, чтобы понять, каким образом может поддерживаться обмен сенсорно-эмоционально-когнитивным опытом в условиях ограничений, вызванных технологическим опосредованием. Различия он- и офлайн сессий с точки зрения структуры не принципиальны, кроме некоторых технических аспектов, тогда как самому терапевту требуется дополнительная телесная настройка, «заземление». В процессе ему также приходится компенсировать недостаток сенсорной информации: «подкручивать внутреннюю громкость», необходимую для поддержания всесторонней вовлеченности и качества контакта; становится различимым дополнительное усилие тела-контейнера терапевта. Последнее наблюдение пересекается с общей рефлексией курса, касающейся дистанционного взаимодействия, речь о которой пойдет в разделе ниже.

Коллективное взаимодействие и его результаты

Курс подразумевал не только предварительную подготовку материалов, но и постоянную поддержку в ходе реализации курса, включающую модерацию процесса взаимодействия участников. В течение первых недель участникам давались задания, теоретические и методологические материалы обсуждались в асинхронных текстовых форматах (чаты, коллективная работа с текстами), но предлагались также ежене-

дельные видеочаты, которые записывались для тех участников, которые не смогли присоединиться в обозначенное время. Задачей тьюторов было максимальным образом фасилитировать совместную работу в условиях дистанционности. Поддержание вовлеченности требовало заметных усилий и от модератора, и от участников: своеобразной формой коммуникации и, кстати, визуальной репрезентации этого стали стикеры с горящими и отрубленными частями тела в чате курса. Похоже, что общим моментом для всех участников процесса становилась нехватка времени: исследовательский курс не является ни для кого основной формой занятости, это добровольно взятое на себя обязательство, которое может вступать в конфликт с теми или иными обстоятельствами; кроме этого, дистанционный формат изначально предполагает гибкость и, таким образом, автоматически уступает более «насыщенным» делам офлайн. При проведении анализа с подобных позиций можно вообще удивиться тому, что предложенную теорию курса совместно прошли 10 участников из 12, а 8 участников завершили не только основную часть, но и сделали собственные проекты. Влияние на результат оказали такие факторы, как изначально высокая мотивация и квалификация участников в своем предметном поле, а также совместная работа по поддержанию контакта и обмена.

Тем не менее работа курса не может быть описана как единообразная или следующая одной модели. Можно было наблюдать, в терминах Пентлэнда, и наличие *сетей вовлеченности*, когда академические исследователи стремились больше общаться друг с другом, обнаруживая большую пользу в работе коллег-ученых, пусть даже из других дисциплин, и *сети исследования*, когда контакты строились в более свободном ключе. В качестве примера последнего можно привести обнаружение факта, что многие научные тексты о теле, по сути, *disembodied*, их чтение никак не включают тело. Подготовка статьи вернула авторов к этой теме на уровне обсуждения *тела проживаемого*, *here body*, и *тела концептуального*, составляющего большую часть литературы. В социальных исследованиях тело проявляется из абстрактного в нечто обозримое, как правило, когда с ним что-то не так, например, если это больное тело. Репрезентации тела зачастую не воспринимаются и не обозначаются как *тело*. За исключением, пожалуй, подходов феноменологии, а также телесно-ориентированных практик или медитаций, где внимание целенаправленно направляется на опыт *проживания* тела, тело *растворяется* в словах. Попытка оправдать существующее положение, в котором опыт тела деприоритизируется, потребностью науки в генерализации и принесении общественной пользы привела к обсуждению характерного для естественно-научных исследований поиска компромисса между такими параметрами его результатов, как *предсказательная сила* (*power*), *достоверность* (*reliability*) и *валидность* (*validity*).

Однако эти методологические изыскания никак не скоординированы с потребностью в исследовании *тела живого*. Возвращаясь к истории курса, в рамках коллективного обсуждения эссе по материалам постфеноменологии, наличие в курсе Ю. Морозовой, опытного танцевально-двигательного терапевта, позволило связать опыт *проживаемый* и *концептуальный*, а А. Курленковой – обратить внимание на то, что постфеноменолог Д. Айди в одном из примеров интерпретирует тело *другого*, то есть в привычном для современной науки ключе переходит от *here body* к *телу концептуальному*.

Конечно, это не значит, что для остальных членов команды материалы из других «полей» остались совершенно невостребованными. Возможно, для некоторых синтез произошел в меньшей степени, и по этой причине мы не смогли увидеть и оценить результат сразу. Так или иначе, практика обмена вносит свой вклад на границах теорий, методов, привычных команд. По логике тьюторов, для исследователей такими новыми направлениями могли бы стать прикладные проекты, для художников – идеи и теории, и так далее. Но на практике каждый участник смог взять из предложенного свой собственный, уникальный набор знаний, навыков, компетенций и контактов. Каждый участник в той или иной степени *стал лабораторией*: источником, творцом и синтезатором нового знания, поставленным в рамки эксперимента и непривычного для себя обмена. Дизайн самого курса лишь предоставил некоторую инфраструктуру, зонирование такого обмена. Поэтому если на уровне индивидуальных участников отмечается расширение методологических, теоретических и прочих границ, то для лаборатории в целом было трудно определить и описать общий результат. Есть некоторое виртуальное пространство проекта, где будут опубликованы собранные материалы, а также напечатан каталог, материальный артефакт. Тем не менее это пространство воспринимается как состоящее из фрагментов, и некоторым участникам курса может быть достаточно трудно присвоить его целиком, что возвращает нас к цитате Рейнгольда о «призрачной сети, которая никому не принадлежит», но которую, фактически, «сплели» мы сами, чему есть тщательно задокументированное подтверждение.

Необходимо отметить, что непосредственный опыт обмена не обязательно должен обладать сиюминутными смыслом и видимым результатом, в подходе Рейнгольда он имеет собственную ценность, образуя компетенции, необходимые для работы в новой гибридной технологической среде. На взгляд авторов статьи, работа на границах происходит не столько в рамках дисциплин, сколько в рамках онтологий. В современном научном мире междисциплинарность кажется общим местом, что особенно ощутимо в таких направлениях, как STS, при этом на практике огораживание по-прежнему происходит повсеместно, и пово-

дом для этого может быть не обязательно дисциплина и её теоретический язык, но также, например, принадлежность к определенному сообществу, институции и так далее. Наблюдать высокую степень фрагментации можно по всему миру, в разных обстоятельствах этот процесс приобретает свои уникальные формы. В этой связи, когда мы говорим о междисциплинарности или трансдисциплинарности как об очевидном пути развития науки, особую роль обретает способность исследователя работать с разными индивидуальными и коллективными субъектами и их онтологиями, это и есть «исследование», а также необходимое условие для обмена.

Помимо общих наблюдений в области коллективного взаимодействия, интересно отметить, как именно происходил обмен знаниями по теме курса: телу в контексте интернета. В индивидуальных исследовательских проектах тело понимается как объект соотнесения с идеальным телесным образом, как коррелят медийного образа тела и маркер приватной сферы, как компонент гендерного самопозиционирования при взаимодействии в социальных сетях, как конституента сенсорного опыта. Также существует множество вторичных критических дискурсов, позволяющих осуществить сравнение или координацию описанных онтологий. Они могут быть сопоставлены, например, исходя из значимости социальных интеракций или индивидуальных феноменов телесного опыта или исходя из их соотнесённости с гражданским, экономическим, патриархальным мирами (см.: Болтански, Тевено 2013). В рамках материалов курса на рассмотрение её участникам были предложены и иные онтологии, представленные в масштабных гуманитарных дискурсах о теле: например, феноменологическом и дискурсе аналитической философии. Представить законченный ряд онтологий тела не представляется возможным, важнее то, что совместные этапы работы участников школы продемонстрировали множественность методологических перспектив исследования тела и возможности координации разных онтологий тела.

Отличие координации от перевода онтологий, как его понимает Куайн, в том, что в её рамках происходит обогащение поля объектов и методологического инструментария. При переводе механизмы референции и сами онтологии просто сопоставляются для поиска эквивалентностей с некоей сторонней точки зрения. Координация же позволяет оставаться в рамках изначальной онтологии, добавляя к ней дополнительное измерение. Так, в эксперименте М. Сокол, онтология игры была дополнена нормативным этико-правовым измерением получения согласия на использование изображения в научных целях. Благодаря координации не возникает единой онтологии, которую можно приписать лаборатории как групповому субъекту познания. Однако координация позволяет установить «обменные курсы» между разными онто-

логиями, легче вписывать высказывания других исследовательских перспектив в собственное поле объектов. Благодаря координации этот порядок может быть пересмотрен, но не разрушается из-за вторжения чужеродной системы референции, поскольку концептуальная реальность может быть изменена только изнутри: в этом Куайн солидарен с Отто Нейратом, видевшим сходство между философом и матросом, перестраивающим судно в открытом море (Куайн 2010: 121). При этом, по-прежнему неоднозначным остается фактор влияния дистанционного формата на коллективное взаимодействие и обмен. С одной стороны, в ином формате курс вряд ли мог бы состояться: привлечь участников из разных городов и стран, а главное, вести регулярную работу в течение 3 месяцев, которая возможна только в асинхронном режиме в свободное время, не будучи поддержана грантами или статусом, как, например, в команде Д. Миллера. С другой стороны, по словам некоторых участников, развиртуализация и перевод хотя бы части взаимодействия в офлайн могли бы усилить связи и помочь работе курса. В этой связи отмечалась, прежде всего, нехватка телесного соприсутствия, обеспечивающего большую степень вовлеченности, а также дающего возможность соотнести конкретную онтологическую позицию с конкретной персоналией и, таким образом, фасилитировать обмен. Такое положение созвучно последним трендам в бизнесе, касающимся в большей степени творческих и интеллектуальных команд: некоторые компании, которые ранее перешли к дистанционному формату работы, возвращают часть своих подразделений в офисы, тогда как по всему миру отмечается рост количества коворкингов. Возможно, технологическая эволюция лаборатории как формата и переход в онлайн опережает массовую способность исследователей приспособиться к этому процессу без существенных потерь. В этой связи, рефлексия экспериментального опыта помогает увидеть не только новые горизонты организационной эффективности, но и представляет исследователям возможность понять свои возникающие потребности в компетенциях, а также озвучить свои предпочтения.

Лаборатория – это искусственное пространство эксперимента, в котором становится возможно образование связей, невозможных в естественной среде. Курс стал такой лабораторией, площадкой встречи и взаимодействия, потому что разные его участники вряд ли пересеклись бы в иных обстоятельствах. Тем не менее качество этих связей и производимого обмена могло быть усилено в случае создания дополнительных зон очного взаимодействия, по аналогии с выездными школами или рабочими сессиями, когда рабочее пространство лаборатории физически ограничивается и отгораживается от остального мира. В рамках курса, уже после завершения основной части, были проведены два офлайн-мероприятия, научное и творческое, а также предварительная

встреча для целей подготовки этих мероприятий. По мнению участников, возможность встреч на более ранних этапах могла бы принести дополнительную пользу и мотивацию. Таким образом, некоторая комичность ситуации состоит в том, что исследовать тело в интернете лучше не только исключительно в интернете. По словам одного из тьюторов, эксперимент с виртуальностью было полезно провести от начала и до конца, чтобы оценить результат, но в рамках личных предпочтений и творческих достижений ему необходима совместная работа офлайн. Телесное соприсутствие офлайн, пусть даже в режиме стартовых встреч, оказалось необходимым условием успешной работы для некоторой части участников.

Литература

- Артюшина А.В. Сетевые взаимодействия в условиях конкуренции за ресурсы на примере молекулярно-биологических лабораторий в России и США: дис. ... канд. социол. наук. М.: ГУ ВШЭ, 2014.
- Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Дорожкин А.М. Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. № 4. С. 20–29. DOI: 10.5840/eps201754462
- Кондарева А.Ю. Как собрать «экспериментальную систему»: коммуникация и организация современной российской научной лаборатории // Социология науки и технологий. 2015. Т. 2. С. 33–44.
- Куайн У. С точки зрения логики. М.: Канон+, 2010.
- Макиенко О.В. От STS к VSTS: проблема методологии визуальных исследований лабораторных практик и потенциал camera ethnography // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 94–103. DOI: 10.17223/2312461X/18/7
- Мертон Р. Исследования по социологии науки // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 750–865.
- Поппер К.Р. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–74.
- Поправко И.Г., Чалаков И.Х. Следуя за практиками ученых в комплексных экологических исследованиях: осмысление опыта Томских летних школ по антропологии науки // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 78–93. DOI: 10.17223/2312461X/18/6
- Сироткина И.Е. Тело до и после цифры // Клуб любителей интернета и общества. Youtube. 2018. URL: <https://youtu.be/v9pQwus6Y34>.
- Соколовский С.В. Три тела // Клуб любителей интернета и общества. Youtube. 2018. URL: <https://youtu.be/NGXJLBHQP-E>.
- About this course: Expect participative and collaborative learning // Social Media Classroom. n.d. URL: <http://socialmediaclassroom.com/host/cooperation6/lockedwiki/main-page>.
- ASSA. n.d. URL: <https://blogs.ucl.ac.uk/assa/>.
- Bloor D. Knowledge and Social Imagery. London: Routledge, 1976.
- Collins H., Evans R., Gorman M. Trading Zones and Interactional Expertise // Studies in History and Philosophy of Science. 2007. Vol. 38, № 3. P. 686–697.
- Gieryn T.F. City as Truth-Spot: Laboratories and Field-Sites in Urban Studies // Social Studies of Science. 2006. № 1. P. 5–38.
- Haraway D. Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s // Socialist review. 1985. № 80. P. 55–80.

- Knorr-Cetina K.* The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. London: Pergamon Press, 1981.
- Latour B.* Give me a laboratory and I will move the world // *Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science* / Eds. by K. Knorr-Cetina, M. Mulkay. London: SAGE Publications, 1983. P. 141–170.
- Latour B., Woolgar S.* Laboratory life. The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Learning objectives // Social Media Classroom. n.d. URL: <http://socialmediaclassroom.com/host/cooperation6/lockedwiki/learning-objectives>
- Lynch M.* Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. London: Routledge Kegan & Paul, 1985.
- Pentland A.* Social Physics: How Good Ideas Spread-The Lessons from a New Science. New York: Penguin Press, 2014.
- Pentland A.* The New Science of Building Great Teams // Harvard Business Review. 2012. URL: <https://hbr.org/2012/04/the-new-science-of-building-great-teams>.
- Rheingold H.* Cooperation // Howard Rheingold. n.d. URL: <http://rheingold.com/cooperation-notes>.
- Rheingold H.* Net Smart: How to Thrive Online. Reprint edition. Cambridge: The MIT Press; 2014.
- Rheingold H.* Smart Mobs: The Next Social Revolution. Reprint edition. Cambridge: Basic Books, 2003 (2002).
- Rheingold H.* The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Revised edition. Cambridge: The MIT Press, 2000 (1993).
- Rheingold H.* Tools for Thought: The History and Future of Mind-Expanding Technology. Revised edition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2000 (1985).
- Rheingold H.* Virtual Reality: The Revolutionary Technology of Computer-Generated Artificial Worlds - and How It Promises to Transform Society. New York: Simon & Schuster; 1992.
- Thagard P.* Being interdisciplinary: Trading zones in cognitive science // *Interdisciplinary collaboration: An emerging cognitive science* / Eds. by S.J. Derry, C.D. Schunn, M.A. Gernsbacher. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2005. P. 317–339.
- Venturini T.* Diving in Magma: How to explore controversies with Actor-Network // *Public Understanding of Science*. 2010. № 3. P. 258–273.
- Why We Post. n.d. URL: <http://www.ucl.ac.uk/why-we-post>.
- Woolgar S.* The Turn to Technology in Social Studies of Science // *Science, Technology & Human Values*. 1991. № 1. P. 20–50.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2018 г.

Sokolova Elena K., Shevchenko Sergey Yu., and Shirokov Aleksandr A.

BODY AND INTERNET: THE ANTHROPOLOGY OF LABORATORY

DOI: 10.17223/2312461X/21/2

Abstract. The article explores the operation of an interdisciplinary laboratory which studies the issues of the body and corporeal representation on the Internet. The laboratory's work resulted in the implementation of eight individual research projects on the body and the Internet, as well as in collective reflection on the laboratory team's distance collaboration. The main focus was the form and methods of a collective research project studying bodies on the Internet by means of the Internet itself: studying the bodies of *others*, but also pondering one's own experience. Following the work of Latour on scientific laboratory life, the authors set the task to consider the new emerging form, drawing on empirical material: distributed

interdisciplinary research projects which are seeking the status of alternative laboratories of the twenty first century.

The use of the thematic field of the body and technologies of mediation of corporeal representation and bodily-sensor experiences pursues the goal of bringing the off- and on-line experience together, on the one hand, and gives the opportunity to see the distance emerging in online practices, on the other. The body acts not only as experience, *here body*, but also as form – individual, collective, multiple, distributed, and dynamic – while the need for technological mediation becomes a challenge to cooperation and collaboration, and, in a broader sense, to integration. New, ‘connected to’ the Internet reality of distributed research projects requires special skills and motivation of participants; without these interdisciplinarity stops being feasible. The increased complexity of the system, its accessibility to the participants and seeming proximity go along with the processes of atomisation – ontological, social and physical – which can be felt at the level of bodily-sensor experience and which can be overcome.

Keywords: body, technologies, Internet, laboratory, anthropology

References

- Artiushina A.V. *Setevye vzaimodeistviia v usloviakh konkurentsii za resursy na primere molekuliarno-biologicheskikh laboratorii v Rossii i SShA*: dis. ... kand. sotsiol. nauk [Network interactions in the context of competition for resources: the case of molecular-biological laboratories in Russia and the USA. Candidate of Sciences (Sociology)]. Moscow: GU VShE, 2014.
- Boltanski L., Thévenot L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sotsiologii gradov* [On justification. The economies of worth]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- Dorozhkin A.M. Problemy postroeniia i tipologii zon obmena [Design- and typology problems of trading zones], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2017, no. 4, pp. 20-29. DOI: 10.5840/eps201754462
- Kontareva A.Iu. Kak sobrat' «eksperimental'nuiu sistemuu»: kommunikatsiia i organizatsiia sovremennoi rossiiskoi nauchnoi laboratorii [Adjusting an experimental system: communication, laboratory Space and organisation of the Russian science], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2015, Vol. 6, no. 2, pp. 33-44.
- Quine W. *S tochki zreniia logiki* [From a logical point of view]. Moscow: Kanon+, 2010.
- Makienko O.V. Ot STS k VSTS: problema metodologii vizual'nykh issledovaniy laboratornykh praktik i potentsial camera ethnography [From STS to VSTS: methodological issues in visual research of laboratory practices and the potential of camera ethnography], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 4, pp. 94-103. DOI: 10.17223/2312461X/18/7
- Merton R. Issledovaniia po sotsiologii nauki [Studies in the sociology of science]. In: Merton R. *Sotsial'naya teoriia i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST, Khramitel', 2006, pp. 750-865.
- Popper K.R. Evoliutsionnaya epistemologiya [Evolutionary epistemology]. In: *Evoliutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i ego kritiki* [Evolutionary epistemology and the logic of the social sciences: Karl Popper and his critics]. Moscow: Editorial URSS, 2000. S. 57-74.
- Popravko I.G., Tchalakov I. Sleduia za praktikami uchenykh v kompleksnykh ekologicheskikh issledovaniakh: osmyslenie opyta Tomskikh letnikh shkol po antropologii nauki [Following the practices of scientists in integrated ecological research: understanding the experience of the Tomsk summer schools in the anthropology of science], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 4, pp. 78-93. DOI: 10.17223/2312461X/18/6
- Sirotkina I.E. Telo do i posle tsify [The body before and after digitalisation], *Klub liubitelei interneta i obshchestva* [Club of Internet and community lovers]. Youtube. 2018. Available at: <https://youtu.be/v9pQwus6Y34>

- Sokolovskii S.V. Tri tela [Three bodies], *Klub liubitelei interneta i obshchestva* [Club of Internet and community lovers]. Youtube. 2018. Available at: <https://youtu.be/NGXJLBHQP-E>.
- About this course: Expect participative and collaborative learning // Social Media Classroom. n.d. Available at: <http://socialmediaclassroom.com/host/cooperation6/lockedwiki/main-page>.
- ASSA. n.d. Available at: <https://blogs.ucl.ac.uk/assa/>.
- Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. London: Routledge, 1976.
- Collins H., Evans R., Gorman M. Trading Zones and Interactional Expertise, *Studies in History and Philosophy of Science*, 2007, Vol. 38, no. 3, pp. 686–697.
- Gieryn T.F. City as Truth-Spot: Laboratories and Field-Sites in Urban Studies, *Social Studies of Science*, 2006, no. 1, pp. 5–38.
- Haraway D. Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s, *Socialist review*, 1985, no. 80, pp. 55–80.
- Knorr-Cetina K. *The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*. London: Pergamon Press, 1981.
- Latour B. Give me a laboratory and I will move the world. In: *Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science*. Eds. K. Knorr-Cetina, M. Mulkay. London: SAGE Publications, 1983, pp. 141–170.
- Latour B., Woolgar S. *Laboratory life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Learning objectives, *Social Media Classroom*. n.d. Available at: <http://socialmediaclassroom.com/host/cooperation6/lockedwiki/learning-objectives>
- Lynch M. *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. London: Routledge Kegan & Paul, 1985.
- Pentland A. *Social Physics: How Good Ideas Spread-The Lessons from a New Science*. New York: Penguin Press, 2014.
- Pentland A. The New Science of Building Great Teams, *Harvard Business Review*, 2012. Available at: <https://hbr.org/2012/04/the-new-science-of-building-great-teams>.
- Rheingold H. Cooperation, *Howard Rheingold*. n.d. Available at: <http://rheingold.com/cooperation-notes>
- Rheingold H. *Net Smart: How to Thrive Online*. Reprint edition. Cambridge: The MIT Press; 2014.
- Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Reprint edition. Cambridge: Basic Books, 2003 (2002).
- Rheingold H. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Revised edition. Cambridge: The MIT Press, 2000 (1993).
- Rheingold H. *Tools for Thought: The History and Future of Mind-Expanding Technology*. Revised edition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2000 (1985).
- Rheingold H. *Virtual Reality: The Revolutionary Technology of Computer-Generated Artificial Worlds - and How It Promises to Transform Society*. New York: Simon & Schuster; 1992.
- Thagard P. Being interdisciplinary: Trading zones in cognitive science. In: *Interdisciplinary collaboration: An emerging cognitive science*. Eds. S. J. Derry, C. D. Schunn, M. A. Gernsbacher. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2005, pp. 317–339.
- Venturini T. Diving in Magma: How to explore controversies with Actor-Network, *Public Understanding of Science*, 2010, no. 3, pp. 258–273.
- Why We Post*. n.d. Available at: <http://www.ucl.ac.uk/why-we-post>.
- Woolgar S. The Turn to Technology in Social Studies of Science, *Science, Technology & Human Values*, 1991, no. 1, pp. 20–50.